

Григорий Яблонский

Бокс с Фигурой

Вернувшись из своего самого отдаленного круиза, Геннадий Фомич собрал всю контору и спрашивает:

– Вот вы, Чушков, сколько дел обрабатываете за день?

– Ну как когда, – замялся Чушков.

– И так всегда! – зафиксировал Геннадий Фомич и раскрыл свою новую записную книжечку со светящимся устройством. – А в это же время ваш коллега Наоиси-сан из фирмы «Фудзияма» прокручивает до полной ясности сорок восемь вопросов, выполняет не меньше девяти новых указаний и три ежедневных личных поручения своего шефа.

– Ну да, японцы – они такие!.. – хмыкнул старший экономист Фингалов.

– А мы-то какие?! – обозрел свой коллектив Геннадий Фомич. – Вот давайте выясним у тишайшего Чушкова: получая новый посыл, а тем более руководящее замечание, какие скрытые эмоции испытывает он по отношению ко мне лично: мол, послать бы тебя, начальник, самого и подальше!.. А? Открывайтесь, Тихон Тихоныч!

– Как можно... – смутился Чушков, – такое скажете...

– Можно!! – освобождаясь от условностей, шеф расстегнул новый пиджак, за которым сверкнула подтяжка с солнечным иероглифом. – И скажу: сам я не в высоких кабинетах начинал и всякое получал! Потому давайте начистоту: если в процессе сложных контактов со своим начальником и у вас накапливается желание выдать ему «Ах ты, старый зануда, чего пристаешь со своими поручениями и замечаниями? Взять бы тебя за подтяжки...» и так далее, – это же нормальная реакция для всякой подчиненной личности. И как считают японцы, не надо ее глушить!

На отложенной записной книжечке замелькал красный сигнал. А у Чушкова даже уши побурели. Прочие сидели пока без всяких признаков.

– Неужели я такой несоответствующий руководитель, – заглянув в книжечку, перешел к выводам Геннадий Фомич, – что даже столь слабых эмоций не возбуждаю у своих подчиненных?

– Ну почему же, Геннадий Фомич? – вдруг заволновалась кадровик Берта Аркадьевна. – Бывает, и не такое, и не так хотят выразить! Но мы же на работе, а не в трамвае или дома – вот там и выражаем всё свое, которое тащим с собой!

– Так вот, – акцентировал Геннадий Фомич, – со служебной этикой у японцев гораздо строже, чем у нас. Там вообще жуткое таинство какое-то: кроме угодливых улыбок и поклонов, ничего не увидишь – так что от их вежливости нашего непривычного оторопь берет! Но что на самом деле? Оказывается, и у самого сдержанного японца, по их же данным, негативные эмоции накапливаются и зашкаливают! И даже тамошние стихийные бедствия – клин клином не меняют ситуацию. И сакуры в виде оч-чень красивой японской разгрузки цветут не каждый день... Да, а от своих законных отпусков эти жуткие трудоголики сами отказываются. И только после самопродленного почти до четырнадцати часов рабочего дня (в пользу родной фирмы!) они позволяют себе «расслабляться» за бутылкой sake в ближайшей забегаловке. Ну а после этого безобразная явка домой к полуночи – со стрессом для жен и детей! И вот такое общее зло грозило всем сферам японской жизни не меньше тайфунов!

Книжечка засветилась желтым, а Геннадий Фомич прошелся взглядом по лицам:

– А то, что назревает у нас, мы должны осознать? Вот вы, точно взволнованная Берта Аркадьевна, какой видите выход?

– У нас он там, где вход, – отвечает. – Тебя размазали, а ты не вмазал – и каждый молчит в тряпочку. Или бегом на лестницу курить и материться – про себя! Типа расслабиться...

– Увы, оба действия дурацкие – никакого расслабления и пропаций рабочий день! – отмел Геннадий Фомич и сам же нажал совсем другую, зеленую кнопку на своей книжечке.

– А вот японцы таки нашли свой супервыход! В каждой крупной компании стали оборудовать специальный бокс психоэмоциональной разгрузки. С полной звукоизоляцией. Но не это самое главное. А то, что в центре каждого бокса помещена фигура здешнего босса в натуральную его величину. Причем точная копия – можно сказать, двойник. Всеми глубоко уважаемый и даже любимый – несмотря на сложности характера – он изготовлен из суперпрочного, но и очень упругого материала. Более того, дубль-босс не молчит. Своими характерными замечаниями на тонах особо вежливой самурайской лексики босс-фигура встречает каждого подчиненного, получившего приглашение в этот бокс. А по вопросам неотложным, срочным и даже очень личным запускают вне всякой очереди!

– Извиняюсь, шеф, – заерзал Фингалов, – а зачем они туда?..

– Извиняю, – усмехнулся шеф. – Туда – на бокс с фигурой шефа, где каждый подчиненный за каждую свою проглоченную обиду намолотит ему такой, простите, мордобой, что уходит оттуда человеком, а не беззащитной рабсилой!

– Пряма х-харапури какое-то... – заикнулся Чушков. – И не страшно им?..

– В Японии еще и цунами бывают, – пояснил Геннадий Фомич. – А у нас тут пока не страшно путать хачапури с харакири! Жестокое личное средство от самурайского проигрыша и смертельного стыда в императорской Японии давно отменено. А теперь уже стыдно быть ничтожными личностями, по-нашему – винтиками, многим японцам. Они выходят из таких боксов благодарно избавленными от своего личного подлого негатива. После чего работают с полной отдачей. Разве это не выигрыш для всей Страны восходящего солнца?!

Книжечка на столе шефа сверкнула всеми своими кнопками и четко произнесла: «Аригато-о!».

– Красиво благодарят! – крикнул Фингалов. – Сказано – японцы...

– Вот вы, вместо того чтобы ерзать и кричать, – заметил Геннадий Фомич, – лучше бы задумались: а как данный передовой опыт использовать у нас? Разве нам не по силам выделить специальное разгрузочное помещение и создать там свой бокс с руководящей фигурой?

– Чьей? – тихо произнесла кадровичка Берта Аркадьевна.

– Моей, – ответил Геннадий Фомич. – Чьей же еще!

Через полчаса, когда до всех дошло, что шеф не шутит, в нашей конторе, то есть, простите, в офисе, все буквально загорелось! Помещение для бокса нашли быстро, очистив от всякого печатного хлама крайне редко посещаемый отдел НТИ. Самим боксом стала ранее приобретенная серьезная будка для охраны. А вот с Фигурой возникли временные трудности. Фирменного суперупругого и ударопрочного пластика (применяемого в космонавтике!) выбить сразу не удалось. А создавать образ управляющего известной госорганизацией из какого-то поролона было бы актом несовместимым. Вот тут старший экономист Фингалов, у которого оказались связи в кругах, близких к ритуальным, взял и предложил, простите, переплунуть фирму «Фудзияма», изваяв нашу Фигуру из ценного камня отечественной добычи. Но... Во-первых, как потом выяснять отношения с камнем без камней в руках? А во-вторых, сам Геннадий Фомич, разобравшись с кадровым главбухом Яковом Наумовичем Шимановичем, понял, что при жизни это как-то неудобно.

Поэтому решено было пока остановиться на Фигуре из литой резины (типа для автопокрышек). А поверх – узнаваемая одежда двойника (которой уже не жалко!). Для создания же самой важной части Фигуры – надеть на соответствующую резиновую болванку художественное папье-маше с полным портретным сходством! Приятно, что у самого немногословного главбуха Якова Наумовича для этого таки нашелся недорогой, как для таланта, вариант. Им был его внук Изя – гордость выпускного курса местного художественного училища по разделу скульптуры.

– Прямо трудно отличить!.. – вздрагивали все причастные во время помещения новой руководящей Фигуры в кресло за новым двухтумбовым столом – совершенно идентичными мебели в кабинете самого Геннадия Фомича.

И как же было обидно узнать, что его самого в этот важнейший период направляют на ежегодные курсы дальнейшего повышения квалификации госчиновников высшего ранга при кабмине. Всегда у нас так: если радость, то и гадость!

И вот он – наш первый день с «Шефом в боксе». Уже во время честно разыгранного первого захода Чушков недаром провел отведенные ему десять минут: протер специально взятым из дома свежим носовым платочком стол, осторожно удалил с плеча шефа какое-то пятнышко... А когда в ответ на легкую вибрацию Фигура шефа его голосом произнесла: «Чем же, Чушков, вы здесь занимаетесь?..» – ну и еще несколько справедливых замечаний покруче, только тогда Чушков задышал чуть глубже, все признал, извинился и не без огромного облегчения выскользнул из бокса!

Старший экономист Фингалов – тот для разгрузки взялся пылесосить ковер в боксе и никаких замечаний в свой адрес в принципе не расслышал, и на цыпочках вышел.

Берта Аркадьевна, проветрив это закрытое помещение, принесла и установила в боксе букет самых живых цветов. Так и пошло...

Вскоре в этом тесноватом кабинете, но в спокойной деловой обстановке уже ставились и решались наболевшие вопросы. Той же Берте Аркадьевне удалось вырасти в зарплате на десятку. Старший экономист Фингалов поднялся до главного (а прежнего главного здесь же с почетом и кое-какой выплатой наконец отправили на пенсию). Застенчивый же Чушков даже попросил перенести свой отпуск с февраля на август. И получил желаемое! А через несколько дней в это строго охраняемое спецпомещение сумел каким-то образом проникнуть первый деловой посетитель, явившийся за визой управляющего. Вышел он с визой!

После этого число желающих попасть в заветный бокс настолько увеличилось, что пришлось сократить регламент с десяти до пяти, а потом и до двух минут – и утвердить строгий график приема по служебным, личным и иным вопросам. И все было бы даже лучше, чем у японцев, если бы в коллективе не нашелся один сексот (а ведь такие у нас в каждом коллективе!). И этот совершенно не пригодный к службе Шунтягин, пробравшись в бокс, нахамил там и даже пытался поднять руку на Фигуру! Конечно, его осторожно извлекли оттуда – и даже согласились слегка поднять этой гадине зарплату. Но наглеющему Шунтягину все было мало, и он пригрозил, что завтра пойдет куда следует с доносом!

Наверно, этот гад еще не добрался по известному адресу, когда мы услышали грохот из своего бокса! Что там?! Перед глазами заглянувших предстала ужасная картина. Наш неожиданно вернувшийся Геннадий Фомич, вооруженный одной возрастной палкой, разбирался не только со своей Фигурой, но крушил все вокруг! Когда же Фигура стала обезглавленной, а голова, лишившись мятой портретной маски, – просто резиновой болванкой, – он зафутболил ее в темный угол.

– Чего пялитесь, служивые? – сказал нам. – Приятный бокс себе устроили! Верно в нашей тургруппе один затесавшийся поэт такое сложил: «Япона-мать – ей с совком один другого хрена понимать!».

Строчка, конечно, загадочная, но Геннадий Фомич сам ушел, и не глядя на пенсионный возраст, на известном здесь километре бокс японских товаров держит. А контору разогнали за полной ее ненужностью.

プレートを破って、金の破片を燃やしてください-日本人のペレシプで!

Одесса, девяностые годы. Совка здесь вроде уже нет. Но все совковые по новым кабинетам сидят и по ресторанам гуляют. Потому и вспоминается остальным давно желанная здесь песенка: «Бей тарелки, жги червонцы – на Пересыпи японцы!» (выше по-японски).

